

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА

Сборники произведений
Виктории Токаревой
в издательстве «Азбука-Аттикус»

О том, чего не было
Летающие качели
Ничего особенного
Извинюсь. Не расстреляют
Сказать — не сказать...
Римские каникулы
Антон, надень ботинки!
Можно и нельзя
Почем килограмм славы
Этот лучший из миров
Мужская верность
Птица счастья
Террор любовью
Дерево на крыше
Тихая музыка за стеной
Короткие гудки
Так плохо, как сегодня
Сволочей тоже жалко
Муля, кого ты привез?
Мои мужчины
Немножко иностранка
Кругом один обман
Дома стоят дольше, чем люди
Дом за поселком

Виктория Токарева

Этот лучший
из миров

Рассказы

Санкт-Петербург

ЭТОТ ЛУЧШИЙ ИЗ МИРОВ

Во все времена были оптимисты и пессимисты. Максим Горький, например, утверждал, что человек создан для счастья. А Велимир Хлебников считал, что человек создан для страданий.

То же самое было сто лет назад. Вольтер говорил, что мир ужасен, а его современник философ Лейбниц восклицал: «О! Этот лучший из миров...»

Вольтер считал Лейбница наивным человеком, но прямо об этом говорить стеснялся и высмеивал его через своего героя Кандида.

Кандид был простодушным малым. Всю жизнь он любил некую Кунигунду и всю жизнь за ней гонялся по разным странам, пока не догнал и не женился. А когда его мечта сбылась, он вдруг заподозрил, что раньше было лучше. Осуществленная мечта — уже не мечта.

Кандид заскучал, у него появилась манера уставиться в одну точку и смотреть до тех пор,

пока перед глазами не начинало плыть и двоиться. В эти минуты Кандид совершенно забывал, кто он и где находится. Это называется: потеря времени и пространства.

Однажды он смотрел вот так, перед глазами все расплзлось, и Кандид отчетливо увидел незнакомый город, большую букву «М» и много народа, который входил под эту букву.

Кандид пошел вместе со всеми и оказался на бегущей вниз лестнице. Кандид догадался, что он умер и его несет вниз, в преисподнюю. И все, кто на лестнице, — тоже умерли, приобщились к большинству и смиренно спускаются в круги ада.

Жизнь Кандида была полна испытаний: он богател и разорялся, был бит и высечен до того, что у него обнажились мышцы и нервы, его обливали дерьмом — и это еще не самое худшее. Но Кандид все-таки любил жизнь и, оказавшись на лестнице, испугался и побежал вверх. Лестница уходила вниз, и получалось, что Кандид перебирает ногами на одном месте. На него не обращали внимания. Люди строго и спокойно смотрели перед собой. — Стойте! — закричал Кандид. — Разве вам не жаль покидать лучший из миров?

Никто ничего не понял, потому что Кандид кричал на непонятном языке. Люди решили, что это беженец из горячей точки. Сейчас в России много таких горячих точек и много беженцев.

Лестница вынесла людей на твердое пространство.

Из тьмы выкатилось что-то длинное и грохочущее, похожее на железную змею, и люди устремились внутрь, в большие светлые клетки. Кандид вошел вместе со всеми. Люди спокойно уселись по обе стороны и стали читать большие шелестящие листки. Поезд пошел по тоннелю, в конце которого должен быть свет. Все должны предстать перед Создателем, и он начнет сортировать — кого в ад, кого — в рай. Но люди, похоже, ничего не ждали. Все сидели, уставившись в страницы.

— Опомнитесь! — закричал Кандид. — Приготовились ли вы к встрече с Богом?

Люди подняли головы, посмотрели на орущего парня в камзоле и ничего не сказали. Только одна старуха покачала головой.

— Это все Горбачев виноват. Развалил Россию! — закричала старуха.

Она полезла в сумку, достала яблоко и протянула Кандиду.

Изо всех ароматов мира Кандид больше всего любил яблочный аромат. Он надкусил, но ничего не понял. Яблоко ничем не пахло. Тем временем клетка остановилась, двери раскрылись и часть людей вышла из клетки. Остальные остались сидеть. Кандид не знал: оставаться ему или выходить...

Вдруг он замер. Мимо него прошла девушка — пышная и румяная, похожая на Кунигунду тех времен, когда она еще жила в замке барона Тундер-тен-Тронка.

Кандид устремился за ней и попал на лестницу, которая понесла его вверх.

— Какой это город? — спросил Кандид у девушки, похожей на Кунигунду.

— Москва, — ответила девушка. Она была учительницей французского языка и понимала речь Кандида.

— А какой век?

— Двадцатый.

«Сколько же мне лет?» — подумал Кандид. Но сообразил, что он нарушил время и странство и продолжал быть молодым в новом времени.

Вместе со всеми Кандид вышел в незнакомый город. Дома — непривычно высокие, а улицы — непривычно широкие. Ни карет, ни повозок, ни лошадей — ничего этого не было. По дороге бежали большие железные жуки и сильно воняли. И никому не было стыдно.

— Что это такое? — спросил Кандид, показывая на дорогу.

— Это машины, — ответила учительница. — Средство передвижения.

— Не понял, — сознался Кандид.

— Можно быстро доехать туда, куда надо, — объяснила девушка.

«Вы быстро доедете до своего конца», — подумал Кандид. А вслух сказал:

— Пойдемте со мной.

— Куда?

— В восемнадцатый век. Там лучше. Там едят натуральную еду, яблоки из сада, и дышат чистым воздухом, и много ходят пешком.

Девушка подозревала, что этот парень в камзоле — пьяный актер, который не успел

переодеться после спектакля. Актеры всегда пьют, пристают и интересничают.

Девушка решила не продолжать беседу и пошла через дорогу. Кандид какое-то время постоял в нерешительности, а потом устремился на красный свет, наперерез железным жукам. Один из них со скрежетом остановился перед Кандидом, оттуда выскочил сердитый человек и ударил Кандида по лицу. Кандид сделал то же самое: ударил по лицу. Он это умел и всегда испытывал готовность к драке. Человек упал.

Все кончилось тем, что собрались люди. Остановилась машина, похожая на квадратного жука, и Кандида затолкали в темный кузов с решеткой на окне. Он догадался, что это тюрьма на колесах. Там было темно и пахло мочой.

В машине еще кто-то сидел. Привыкнув к темноте, Кандид разглядел молоденькую девушку. Она была пьяная и вполне красивая. Ее открытые ноги бледно белели в темноте.

— Хочешь? — шепотом спросила проститутка. — Только быстренько, и один разочек.

Кандид не понял незнакомый язык.

— А ты отдашь мне свой пиджак, — продолжала девушка. — Это сейчас модно.

Кандид снова не понял.

Девушка подняла юбку. Кандид понял наконец и стал делать то, что она предлагала. Но не быстренько, а долго.

Машина остановилась. Милиционер открыл дверь и увидел голый зад Кандида.

Огрел резиновой палкой. Потом стал вытаскивать Кандида из машины. Девушка успела стащить с него камзол. Кандид в одних панталонах оказался на земле.

— Паспорт есть? — спросил милиционер.

Кандид не понял. Подошел второй милиционер.

— Где живешь? — спросил второй.

— Во Франции, — ответил Кандид.

— А год рождения?

— Восемнадцатый век. — Кандид показал на пальцах.

— Из психушки сбежал, — предположил первый. — Там они все Наполеоны и Бонапарты.

— Веди его в отделение, — сказал второй. — Для выяснения личности...

— Да ну его, возиться с ним, бумаги заполнять...

Первый милиционер — тот, что с дубинкой, дал Кандиду пинок под зад.

— Иди отсюда, мотай, — добавил он.

Кандид хотел вернуть милиционеру несколько пинков, но передумал. Пошел прочь от машины.

Он вышел на широкую улицу. Быстро темнело. В окнах зажглись огни, и дома походили на светящиеся каменные соты. И в них, как пчелы, сидели люди.

Хотелось есть. По улицам в молчании шли люди, никто ни с кем не здоровался.

«Как много людей, — подумал Кандид, — и никто никому не интересен». Болела скула на лице, ныл копчик. Бог возвратил его в этот лучший из миров, но люди грубы.

Вдруг он услышал волчий вой. Кандид двинулся на звук и вышел к зоопарку.

На входе его остановили и потребовали билет. У Кандида было несколько франков, но они остались в камзоле.

Кандид перемахнул через ограду. В прыжке он зацепился за острый конец, и часть его панталон осталась на ограде. А полуголый Кандид оказался в зоопарке. Он пошел мимо клеток, как дикарь.

Волк выл, будто звал. Кандид быстро нашел его и протиснулся в волчью клетку.

— Почему ты плачешь? — спросил Кандид.

— Я пою, — ответил волк. — Я влюблен.

Они говорили на разных языках, но понимали друг друга. Почему-то.

Пришел сторож и кинул в клетку кусок темного вонючего мяса.

— Ты будешь это есть? — удивился Кандид.

— Конечно. И ты будешь это есть.

— Я не буду. Пойдем отсюда. Поохотимся. Поедим свежего мяса.

— Отсюда нельзя уйти, — сказал волк. — Это зоопарк.

— Ну и что? Разве у тебя нет ног? Нет желания?

— Зоопарк — это тюрьма.

— И что же?

— Это значит, ты должен делать то, что хотят другие.

Взошла луна. Было красиво, хоть и жутко.

Волк снова завыл, вернее, запел.

Кандид с отвращением погрузил зубы в мясо.

«Этот мир ужасен, — подумал Кандид. —
Вольтер прав...»

Он вдруг вспомнил атласное тело девушки в милицейской машине, добрую руку старухи в метро, взгляд молодой Кунигунды... Все перемешалось в этом лучшем из миров, в этом ужасном из миров. И вовсе не надо дожидаться смерти, все здесь — и рай, и ад...

Кандид прижался к волчьему животу. Стало тепло и безопасно. Он уснул под вой. И ему казалось: так уже было когда-то...

банкетный зал

Посол Швеции заканчивал свой срок в России и устраивал прощальный прием. Я получила приглашение и решила пойти по двум причинам:

1. Мне были приятны посол и его жена, в них просматривалась гармония богатства и любви.

2. Посольство расположено в ста метрах от моего дома. Перейти дорогу — и ты в чужой стране.

В банкетном зале собрались журналисты, писатели, ученые, политики. Приглашают, как правило, одних и тех же. Выражаясь современным языком — своя тусовка. У западных людей тусовка — чинная, немножко скучная, но все же приятная от красивых интерьеров, изысканной еды, элегантных женщин. Я заметила, что богатство имеет свою энергию. Бедность не имеет энергии, и поэтому человек в бедности быстро устает. Истощается.

Я оказалась за одним столом с политиком Икс.

Любой политик хочет стать президентом, так же как солдат хочет стать генералом. А почему бы и нет? Господин Икс — молод, умен, честолюбив, агрессивен. В нем все нацелено, напряжено и плещет в одну сторону. В политику.

— Скажите, а как вы допустили в свои ряды господина Игрек? — спрашиваю я.

Я называю имя человека, набравшего на последних выборах большинство голосов. Честно сказать, я тогда впервые усомнилась в своем народе, сделавшем такой выбор. А где народный ум? Где народная мудрость, о которой твердили народники и большевики?

— Это вы допустили Игрек, — отвечает Икс. — Я?!

— Вы. И такие, как вы. Интеллигенция.

Я делаю круглые глаза. Вернее, я ничего не делаю, они сами становятся круглыми.

— Вы не создали нормальной оппозиции президенту, — растолковывает Икс. — А там, где нет нормальной оппозиции, там возникает Игрек.

Я раздумываю. Эта мысль никогда не приходила мне в голову. Интеллигенция действительно любила президента, но ведь «от любви беды не ждешь», как пел Окуджава.

— И все-таки Игрек не должно быть, — говорю я. — Его надо перевести на другую работу. — На какую?

— В зависимости от того, что он умеет делать.

— Предположим, он уйдет. Но что изменится? Ведь дело не в нем... Представьте

себе, что у вас потекла на кухне вода. Набралась полная мойка. А потом вода пошла через край. На пол. Понятно?

— Понятно.

— Так вот, убрать Игрек — это все равно, что вытирать воду на полу. А вода все равно прибывает. Значит, что надо делать?

— Завернуть кран, — говорю я.

— Правильно, — соглашается Икс. — Надо завернуть кран.

— А что есть кран? — спросила я.

В это время к Икс подошел единомышленник, что-то сказал на ухо. Они отошли. Мне показалось, они пошли сколачивать оппозицию президенту.

Но ведь оппозиция есть. Они орут в телевизоре. И, пользуясь выражением Юрия Карякина, у них «такие рожи». У них на рожах все написано. Чем такая оппозиция, лучше никакой.

Напротив меня сидит известный писатель. Ест. Его тарелка, вернее, содержимое тарелки, напоминает миниатюрный стог сена. Одно навалено на другое. И много. Рядом сидит посол иностранной державы. На его тарелке изящный натюрморт: веточка петрушки, звездочка морковки, в середине — листик мяса. Может, рыба. Но это отдельная тема.

— Послушай, — спросила я у Писателя. — Что есть кран?

— Какой кран?

Я пересказала разговор с Икс. Писатель выслушал.

— А зачем это тебе? — спросил он. — Пишешь и пиши. Писатель должен писать, не-

зависимо от времени, от географии и всей этой ерунды.

— Это не ерунда, — сказала я. — Это наша жизнь.

— Нельзя долго болеть. Надо или умирать, или выздоравливать.

— Ты о чем? — не поняла я.

— Обо всем этом. Об Иксах, Игреках и Зетах. Пусть делают что хотят. Надоело.

Писатель посмотрел на меня глазами свежемороженой рыбы. Они не выражали ничего.

Я поднялась и вышла в сад. Из сада был виден мой дом. Но мой дом находился в России, а здесь я была за границей. В Швеции. Это ощущалось во всем, даже в зеленой травке под ногами. Она росла не кое-как, она была густо посеяна, потом подстрижена и напоминала зеленый ковер.

Ко мне приблизился Журналист с бокалом. Он работает по совместительству светским львом. Куда бы я ни пришла, везде он с бокалом и шейным платком вместо галстука.

— Хочешь, я сознаюсь тебе в одной тайне?

Я ждала.

— Ненавижу журналистов и жидов, — открыл он свою тайну.

— Но, по-моему, ты и первое, и второе, — удивилась я.

— Ничего подобного. Я крещеный.

— А что это меняет?

— Национальность — это язык, культура и воспитание. Мой язык и моя культура — русские. Значит, я русский человек. А химический состав крови у всех одинаковый.